

В. В. Гришаев
В. Р. Лебединский

ЖИВЫЕ КНИГИ С ГОВОРЯЩИМИ АВТОГРАФАМИ

Василий Гришаев

**Живые книги с
говорящими автографами**

«Сибирский федеральный университет»

2014

УДК 002.1
ББК 76.100

Гришаев В. В.

Живые книги с говорящими автографами / В. В. Гришаев —
«Сибирский федеральный университет», 2014

ISBN 978-5-7638-3032-3

Монография посвящена проблемам книги и книжной культуры, в частности речь идет о научной литературе. В монографии рассказано о биографиях и научных трудах известных историков, обществоведов. Используются фотографии из архива В.В. Гришаева и В.Р. Лебединского.

УДК 002.1
ББК 76.100

ISBN 978-5-7638-3032-3

© Гришаев В. В., 2014
© Сибирский федеральный
университет, 2014

Содержание

Предисловие	5
Беседа с коллекционером автографов историка и журналиста В.Р. Лебединского	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

В.В. Гришаев, В.Р. Лебединский

Живые книги с говорящими автографами

Предисловие

Летом 2008 года историко-философский факультет, который стал структурным подразделением Гуманитарного института СФУ, переехал из Академгородка в новое здание по адресу: пр. Свободный, 82. Из читального зала Академгородка в новый корпус переселилась и уникальная коллекция книг с автографами.

В новом корпусе не оказалось поблизости читального зала, неработающим оказался и методический кабинет. Книжную коллекцию пришлось запрятать в шкаф кабинета заведующего кафедрой истории России в надежде на то, что через некоторое время откроется читальный зал для двух родственных институтов: гуманитарного и филологии и языковых коммуникаций. Но этого не произошло. И живые книги с говорящими автографами, исправно выполняющими свою функцию в читальном зале Академгородка, превратились в мертвые книги с немymi автографами.

Два года спустя заведующий кафедрой истории России, профессор М.Д. Северьянов предложил оригинальную идею оживления «мертвых» книг с немymi автографами, суть которой заключалась в озвучивании творческого, жизненного пути авторов книг. Так появилась идея проекта «Живые книги с говорящими автографами», к реализации которой авторы приступили в январе 2013 г. Выяснилось, что о творческом, жизненном пути хорошо известных в России и за рубежом историков, философов, экономистов и представителей других гуманитарных специальностей можно найти лишь какие-то отрывочные сведения. Нет полной информации об авторах и в «вездесущем» Интернете.

Оригинальная идея проложить путь к читателю не через обзор содержания книг, а через перипетии жизненного пути их авторов оказалась чрезвычайно трудной для реализации. Для того чтобы сухие, скупые биографии авторов книг стали запоминающимися, мимолетного «шапочного» знакомства было явно недостаточно. Поэтому произведен отбор книг с автографами по принципу длительного делового сотрудничества и обыкновенной человеческой дружбы авторов книг с В.В. Гришаевым. В результате в научную разработку было отобрано 28 книг.

Краткие, лаконичные автографы на обложках книг говорят о многом. Напоминают об отдельных эпизодах дружбы и делового сотрудничества, выражают благодарность за соучастие в научно-исследовательской работе и советы в сложных жизненных ситуациях. В некоторых автографах высказаны рекомендации об активизации научно-исследовательской работы, в том числе по подготовке к защите докторской диссертации.

К сожалению, из 27 известных ученых 12 в разное время ушли из жизни: А.П. Окладников, В.З. Дробижев, С.О. Шмидт, В.Т. Агалаков, С.А. Пайчадзе, В.А. Цыганов, М.А. Халдин, П.Н. Мешалкин, Ю.В. Журов, Н.С. Шилов, В.А. Медведев и А.Я. Райбекас. Все они своей жизнью и деятельностью заслужили, чтобы вклад в историю страны и науку не был забыт и работал на настоящее и будущее поколение молодых исследователей, что подтверждает активное участие в реализации данного проекта студентов 3-го курса истфака Гуманитарного института СФУ: А.В. Бабия, В.С. Качика, А.Н. Кондратьевой, Е.А. Лисиной, Н.Б. Мыкытив, К.Н. Русинова и А.С. Харитонова, которые выбрали из коллекции заинтересовавшие их книги, прочитали и составили по ним развернутые аннотации.

Студенты первыми «оживили» книги. Что же касается содержания студенческих аннотаций, то они позволяют утверждать, что достойная смена старшему поколению историков будет обеспечена, если путь молодежи будет освещать Учитель, наставник, «зрячий посох»...

Для выпускника историко-философского факультета КГУ, ныне аспиранта кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета Р.В. Павлюкевича таким Учителем стал доктор исторических наук Сергей Тихонович Гайдин. В книге Р.В. Павлюкевич дал искренний, запоминающийся образ своего Учителя, у которого многому можно научиться наставникам студентов и аспирантов из других вузов региона.

Вполне естественно, что в книге «Живые книги с говорящими автографами» особое место отведено истории жизни и деятельности В.В. Гришаева – собственника уникальной коллекции книг, которая свидетельствует о широком круге общения с известными учеными. В книге помещены его статьи о монографиях и статьях историков Сибири, суждения о публикациях по актуальным проблемам Отечественной истории, в том числе помещены статьи, признанные «неформатом» официозом современной исторической науки.

«Живые книги с говорящими автографами» – это веское слово в защиту книги – вечной спутницы человеческой цивилизации, основного движителя ее прогресса.

В последнее время идут настойчивые разговоры о том, что книга в связи с развитием Интернета теряет свой авторитет и, вполне возможно, как таковая исчезнет. Думается, что это глубокое заблуждение и виртуальный текст никогда не сможет заменить книгу реальную, напечатанную в типографии. Книга – это живое существо. По всем параметрам (когда издана, каким тиражом, в каком издательстве и т.п.) всегда можно определить, насколько она востребована. Да, есть «мертвые» книги, которые лежат на полке и хозяин с них лишь изредка вытирает пыль, а есть книги, которые работают, живут, востребованы.

Организаторы проекта убеждены, что книга будет востребована читателями. Она нужна студентам-историкам, близким и родным тех известных ученых, которые ушли из жизни, и память о них поблекла, стерлась. Ныне живущим и действующим ученым книга будет интересна как культурный остаток переломной эпохи в истории страны, показанный через биографию людей с их глубоким следом на земле.

Публикация «Живые книги с говорящими автографами» не имеет аналогов в отечественной историографии.

Беседа с коллекционером автографов историка и журналиста В.Р. Лебединского

Книга должна быть живой, читаемой, осязаемой. Кроме однокурсников, мне подарил свою книгу одноклассник. По специальности он строитель. Написал книгу об истории старейшего на Урале Невьянского комбината. Этот человек, обладая организаторскими способностями, надоедал всем одноклассникам, проживающими по всей громадной стране от Владивостока до Калининграда, организовывал наши встречи. Через 40 лет после окончания школы в 1992 году такая встреча состоялась.

Здесь на столе – более 200 книг, все они подарены авторами ни к юбилеям, ни по просьбе, а, думаю, в знак какой-то признательности, уважения, быть может, соучастия в судьбе автора. Эти книги в течение нескольких лет, когда историко-философский факультет нашего университета находился в Академгородке, где был прекрасный читальный зал, работали. Студенты имели возможность взять книгу, если она их заинтересовала, и прочитать. В рамках студенческого клуба «Клио», организатором которого был профессор нашей кафедры Иван Андреевич Прядко, мы проводили своеобразные ежегодные сессии, где я рассказывал о книгах и о судьбе их авторов. Некоторые книги, вероятно, очень заинтересовавшие студентов, исчезали из читального зала, а некоторые исчезли навсегда. И это несмотря на «бдительное око» наших библиотекарей. Вскоре после переезда историко-философского факультета КГУ в корпус Гуманитарного института СФУ были перевезены и книги. К великому сожалению, они вновь превратились в мертвые книги. Формирование этой уникальной, своеобразной коллекции книг началось в середине 60-х годов XX века и продолжается в настоящее время.

Единственная книга с автографом «Венок Н.М. Карамзину», которую я выпросил, это книга, пожалуй, самого известного книжника, выдающегося археографа, Героя Социалистического труда Сигурда Оттовича Шмидта, сына знаменитого полярника, академика Отто Юльевича Шмидта, который работал в Московском государственном историко-архивном институте (РГГУ) и Институте российской истории РАН. В свое время о нем лестно отзывался академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Сигурд Оттович Шмидт известен как исследователь-историк широкого плана, и как организатор науки, и как воспитатель научной молодежи, и как общественный деятель, посвящающий много времени вопросам охраны памятников истории и культуры, рукописному документальному наследию».

Мы были на заседании в РГГУ, где обсуждался проект госстандарта по истории. Рядом со мной оказался Сигурд Оттович. У него было два экземпляра книги под названием «Венок Н.М. Карамзину». Я, естественно, попросил эту книгу, так как в то время читал студентам историю России XIX века... Это единственный случай, все остальные книги с уважаемыми авторами становились моей собственностью без каких-либо намеков.

К сожалению, в последние годы стал стремительно падать престиж книги. Если в советское время, особенно в период горбачевской перестройки и гласности, книга была лучшим подарком, то в постперестроечной России ситуация заметно изменилась. Ходят слухи о постепенном исчезновении книги как великого исторического феномена, с помощью которого человечество двигалось вперед по пути прогресса. Конечно, даже в ближайшей истории книги были такие моменты, когда они сжигались на кострах, за прочитанную книгу еще совсем недавно можно было попасть за решетку. Причем преследовали не за прочтение запрещенной книги, а за ее распространение. Вспоминается случай с одним моим коллегой, соседом по квартире Л.П. Шороховым, который, узнав, что у меня есть книга А. Солженицына «В круге первом», попросил ее почитать. Я строго-настрого наказал, чтобы он читал эту книгу с величайшей

осторожностью. Сегодня это может звучать несколько дико, но я сказал ему, что при стуке в дверь нужно прятать ее в укромное место, лучше всего под матрас.

Эти события происходили в конце 70-х годов прошлого века. Мой коллега не выполнил нашего уговора, поделился книгой с преподавателем политехнического института. А тот, видимо, рассказал об этом кому-то еще. На квартиру к моему незадачливому коллеге пришел наш куратор из КГБ (Комитета государственной безопасности) Владимир Герасимович Полетаев, которого я хорошо знал еще по комсомольской работе в Хакасии. Л.П. Шорохов пригласил сотрудника КГБ на чай, а пока он хлопотал на кухне, Владимир Герасимович поработал в его личной библиотеке. Книга к тому времени была спрятана в надежном месте...

Когда Леонид Павлович рассказал о визите к нему В.Е. Полетаева, я сказал своему приятелю: «Больше, пожалуйста, ко мне не обращайся. Больше ты никогда не получишь никакой книги».

– Василий Васильевич, говоря о запрещенной литературе, думаю, что вы имеете в виду не только Александра Исаевича Солженицына.

– Конечно. Был такой известный на Западе историк, ярый антисоветчик Шапиро, написавший в свое время «Историю КПСС», двухтомник Л.Д. Троцкого «Иосиф Сталин», запрещенный у нас историк Александр Некрич, вынужденный эмигрировать в Великобританию, а затем в США. Им были написаны книги «Наказанные народы» о массовых депортациях народов в СССР, «1941. 22 июня», «Отрекшись от страха. Воспоминания историка» и др.

– Некоторые книги в те времена изымались из библиотек.

– Считаю, что библиотекари, особенно в советское время, были подвижниками. В сентябре 1988 года в газете «Правда» появилась небольшая заметка о том, что в Ленинке (Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина) из секретных фондов в читальный зал перевели значительную массу ранее запрещенных книг. В те годы проблемы с командировками для меня не существовало. Я написал заявление на имя ректора университета и улетел в Москву. Так получилось, что 16 сентября 1988 года я попал в читальный зал библиотеки им. В.И. Ленина в числе первых советских историков, кроме иностранцев в профессорском зале никого не было. Когда я стал работать с генеральным каталогом, то оказалось, что из секретных фондов в открытый для исследователей доступ попали сотни, а может, и тысячи книг. Когда я брал карточку из каталога, то типографская краска оставалась у меня на руках, фактически это означало, что я работал с этими карточками первым. Отобрал довольно большое количество нужных мне для работы книг. Главным образом это были работы политических деятелей (Бухарина, Рыкова и др.), тех, которые были репрессированы.

И что же я обнаружил? Некоторые экземпляры этих книг были изданы в Костроме, Калуге и других периферийных городах, так как столичные издания были в свое время уничтожены, а некоторые периферийные издания, несмотря на строжайший запрет, были сохранены библиотекарями-подвижниками, которые очень многим рисковали...

Позже эти книги, вероятно, поступили в спецхран библиотеки. Некоторые издания оказались в единственном экземпляре. И когда я выходил из читального зала, то не должен был оставлять эти редкие книги на столе, а отдавал их на сохранение библиотекарю.

Чем отличаются живые книги от интернетовских изданий (их я называю эрзацем)? Их можно подержать в руках, определить год издания, тираж, в каком издательстве книга напечатана и многое другое весьма любопытную и важную информацию.

В 1955 году в журнале «Новый мир» благодаря смелости главного редактора Александра Твардовского был издан роман Владимира Дудинцева «Ни хлебом единым». Буквально за полгода библиотечные экземпляры этого журнала превратились в отрепья, они зачитывались до дыр. Дело в том, что, когда эту книгу прочитал главный идеолог КПСС М.А. Суслов, он сказал: «Кто позволил издать такую вредную книгу?». Вероятно, слухи о запрете этого романа сделали ему такую ажиотажную популярность. И действительно, журнал был изъят и уничтожен,

а автор книги куда-то пропал. Я вообще думал, что его давно нет в живых. Оказывается, он жив, спрятался на даче под Ленинградом. Отсиделся. А потом просто как гром среди ясного неба появилась его новая книга «Белые одежды».

Расскажу еще один любопытный случай. В 1970 году в Москве проходил XIII Международный конгресс исторических наук, собравший более четырех тысяч участников из 50 стран мира. Благодаря своим друзьям, ученикам президента этого конгресса, академика Александра Андреевича Губера я смог принять в нем участие. В рамках этого конгресса работали книжные выставки многих издательств ведущих капиталистических стран – США, Франции, Великобритании и др. Группу бывших аспирантов Академии общественных наук собрал куратор из ЦК КПСС тов. Молчанов. Нам сказали: «Завтра открывается выставка. Будьте добры, обратите внимание на то, что почти все содержание книг на русском языке антисоветское. Просим всех без опозданий, как только откроется выставка, сразу идти в залы к американцам, англичанам, французам. Ваша задача – взять как можно больше книг, складывайте их куда угодно (с сумками на выставку не пускали) столько, сколько сможете унести». Это предложение у многих из нас вызвало шок. Мы, естественно, спросили у куратора, почему должны это сделать? В ответ услышали: «Да вы не смотрите, интересны вам эти книги или нет. Зато я буду знать, что книги в надежных руках». Конечно, мы выполнили пожелание куратора из ЦК. Так, в этой суете у меня оказалось несколько книг на польском языке. Обнаружил ошибку только в Красноярске и решил, что книги на польском будут у меня мертвыми книгами в моей библиотеке и никак мне не пригодятся, но ошибся. Через какое-то время, когда мы стали историко-философским отделением на филологическом факультете КГУ, оказалось, что у нас есть специалист, знающий польский язык. Так эти книги оказались востребованными. Вот вам пример того, когда совсем еще недавно книга была не просто источником знаний, но источником «вредных» знаний.

Конечно, говорить о смерти книги преждевременно. Думается, что это временное явление и никогда эрзац не заменит оригинал. Хорошо, что у нас в городе Красноярске на пр. Мира, рядом с одним из корпусов педагогического университета им. В.П. Астафьева, открылся книжный шкаф для бесплатного книгообмена.

Путь книг в мою личную библиотеку был разнообразным и по форме, и по мотивам. Так, например, часть книг была подарена мне однокурсниками, чтобы похвалиться и доказать, что они тоже не лыком шиты. Другие книги подарены в знак благодарности за мое участие в научной судьбе авторов. В одном случае я выступал оппонентом на защите диссертации, в другом, когда появилось положение о том, что любую книгу нельзя издать без двух рецензентов, выступал в качестве рецензента. При участии во многих научных конференциях в Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ, Москве по традиции ученые захватывали с собой несколько своих книг. Они дарились знакомым людям, близким по кругу научных интересов, есть книги, подаренные просто из уважения.

И, наконец, о безвозвратных потерях. У некоторых есть такая практика: дает книгу кому-нибудь почитать – записывает в специальный блокнот. У меня такой практики не было. В результате часть нужных книг ко мне в библиотеку не вернулось. Как-то мне очень понадобилась книга Михаила Родзянко «Крушение империи» в издании А. Солженицына. Я всегда говорю, если хотите узнать о главных проблемах в отношениях Запада и России, лучше информации, чем у М. Родзянко, вы не найдете нигде. Мой экземпляр книги из библиотеки «ушел». Я предпринял попытку возвратить эту книгу. Обратился к Сергею Васильевичу (С.В. Гришаев – доктор социологических наук, сын В.В. Гришаева), мы заказали нужную книгу через Интернет. Через какое-то время желанная книга пришла, но издание оказалось неполным, в нем отсутствовали необходимые мне для работы главы.

– Василий Васильевич, ваши студенческие годы пришлись на сталинские «сумерки» и хрущевскую «оттепель»...

– После сталинских «сумерек» как будто включили свет или дали воздуха. Тогда открыли спецхраны. Для студентов-историков это было золотое время! На стипендию тогда можно было спокойно жить. Нам удалось посмотреть весь репертуар Большого театра (только за билетами надо было ночь стоять). Третьяковку мы облазили всю, вплоть до подвальных помещений. Изучили все Подмосковное ожерелье дворянских усадеб.

Кстати, куда поступать, я определил не сразу. Выбирал между физикой и историей. Ведь 1952 году физика была модной. С другой стороны, мой дядя Михаил Федорович ушел добровольцем на войну с третьего курса истфака МГУ и погиб. Я решил его «заместить»: поступить на истфак МГУ.

– *Сложно ли было поступить на истфак МГУ?*

– Конечно, сложно. Конкурс на истфак всегда был приличным. Для меня поступление в МГУ обернулось почти детективной историей, правда, со счастливым концом. На вступительных экзаменах сдал на «отлично» историю, географию, немецкий язык. В сочинении допустил всего одну ошибку. В черновом и чистовом вариантах значилось: «А.С. Пушкин прЕнадлежит к числу лучших людей из дворян». К содержанию сочинения у экзаменаторов претензий не было, оно было безупречным. Одна буква «е» вместо «и» повлияла на итог письменного экзамена. В экзаменационном листе появилась первая оценка «хорошо». На устном экзамене по русскому языку и литературе добавилась еще одна «четверка». Общий итог – 23 балла. Проходным такой балл был только для абитуриентов, у которых один из родителей погиб на войне. У меня были живы папа и мама. Хороших вестей из Москвы ждали еще два младших брата и три сестры. Конечно, настроение было подавленное, но не паническое. У меня был запасной аэродром – истфак Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, где на пятом курсе филологического факультета учился младший брат мамы, участник Великой Отечественной войны Митьков Иван Федорович. В случае непоступления в МГУ дядя Ваня пообещал мне содействие при поступлении в СГУ, в том числе финансовую помощь на весь период обучения.

Но желание стать студентом истфака МГУ не ослабевало. В дни раздумий кто-то из аспирантов, проживавших на Стромынке, посоветовал обратиться к ректору МГУ, академику И.Г. Петровскому с просьбой о зачислении в число студентов абитуриента из многодетной семьи колхозников. К тому же он сказал, что у ректора всегда имеется резерв для не прошедших по конкурсу абитуриентов.

Долго не раздумывая, в этот же день я отправился на Манежную площадь, где в центральном корпусе на втором этаже находился кабинет И.Г. Петровского. На ступенях лестничного марша, ведущего на второй этаж, стояли прилично одетые мужчины и женщины. Никто из них не остановил меня, когда я открыл дверь в приемную ректора. Не заметила вторжения и секретарь-машинистка, сосредоточенно печатавшая какой-то текст. Она оглянулась и крикнула: «Молодой человек, вы куда? Нельзя». Но было уже поздно. Жестом руки ректор пригласил войти в кабинет и начал расспрашивать о цели визита. Ректор по-отечески пожурил меня за досадную ошибку, разъяснив ее суть. Мое объяснение вызвало у него улыбку. Далее он попросил рассказать о жизни в деревне, добавив, что в сельской местности он не был лет восемнадцать. Пришлось говорить правду, что крестьян душат налогами, живут в основном за счет подворья, продажи самогона и разворовывания колхозного добра, ремонта и нового строительства изб местными «шабашниками». Кроме того, ректор узнал о том, что работать в деревне фактически бесполезно – за трудодни ничего не платят, а потому тащат все, что под руку попадется: горох, рожь...

Академику особенно запомнился рассказ про деда, который в то время работал председателем ревизионной комиссии в колхозе. За то, что тот был мужиком принципиальным, его дом не раз поджигали. Но мужицкая смекалка всякий раз выручала деда. Стены его дома были слеплены из самана (преимущество этого строительного материала в том, что он не горит), а

крыша покрыта соломой. Подожгут дом, прогорит соломенная крыша, а стенам – хоть бы что. Через день дедушка кроет крышу заново.

Возможно, из-за этого рассказа ректор заинтересовался мной, позвонил декану исторического факультета, известному археологу А.В. Арциховскому и попросил изыскать возможность в качестве исключения принять В. Гришаева на факультет. На что был ответ: если бы у абитуриента кто-то из близких родственников погиб на фронте, то его бы обязательно и без проблем приняли. Ответ декана не обрадовал. Надо было уходить, но ректор попросил задержаться, спросив при этом, смогу ли я до 28 августа пожить в Москве. В этот день будет подписан последний приказ ректора о зачислении. Получив отрицательный ответ, Иван Георгиевич продиктовал текст заявления на его имя с просьбой о зачислении на истфак. Затем попросил зайти в деканат истфака и оставить точный домашний адрес. В тот же день я выехал из Москвы домой с утешительной грамотой в кармане – справкой о сдаче вступительных экзаменов с твердым намерением отправиться 28 августа в Саратов.

На проводы в Саратов собрались родственники и соседи. Накрыли стол. Удивлялись, что с такими высокими оценками не удалось поступить в МГУ. Успокаивало, что Саратовский университет тоже хороший вуз. Единственное, что плохо, сложнее добираться до Саратова, с двумя пересадками. И односельчане туда редко ездят. В Москву же ежедневно отправлялся поезд местного значения «Вернадовка – Москва».

В самый разгар застолья почтальон принес долгожданную телеграмму: «Зачислен с проживанием на даче». Содержание телеграммы вызвало радость и удивление. За какие такие заслуги предлагается жить на даче? На следующий день, получив в деканате студенческий билет и адрес дачи, я отправился в дачный поселок Кучино, я не сразу оценил все «прелести» дачной жизни. В комнате площадью примерно 25 квадратных метров размещалось 10 кроватей. Вспомнилась поговорка: «В тесноте да не в обиде». Чуть позже выяснилось, что лекции и семинары начинаются в 9 утра, чтобы не опоздать, надо было в 7.30 быть на станции Кучино, лучше раньше, тогда можно доехать до Курского вокзала не электричкой, а веселым поездом «Петушки – Москва».

– *Какие события студенческого периода Вам больше всего запомнились?*

– За пять лет учебы на истфаке их было много. Назову лишь основные. Это, конечно, смерть и проводы в последний путь И.В. Сталина. Приезд в Москву лидера Югославии, маршала И. Тито и легендарного борца за независимость, лидера Индии Д. Неру. Летом 1955 года на Ленинских горах был проведен грандиозный, красочный, многотысячный праздник, посвященный 200-летию МГУ.

Запоминающимся был февраль 1956 года, когда на XX съезде КПСС прозвучал секретный доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева «О культе личности И.В. Сталина и его последствиях».

На финише нашей студенческой жизни произошло еще одно грандиозное событие всемирного масштаба. В Москве летом 1957 года был проведен Международный фестиваль молодежи и студентов. У нас, отправлявшихся на комсомольскую работу в Красноярский край, были пригласительные билеты на все мероприятия этого грандиозного шоу.

Главным же событием студенческих лет было приобретение друзей. Чистая, бескорыстная дружба студенческих лет оказалась самой долговечной.

Когда студенты истфака МГУ узнали о смерти «вождя всех народов», они не стали дожидаться официального объявления о похоронах, а решили действовать на свой страх и риск. Желание проводить в последний путь «великого и мудрого вождя» было вполне искренним и естественным. Занятия в университете в то хмурое утро были фактически сорваны, едва начавшись. Преподаватель латинского языка на первом занятии сказал: «Господа студенты, сегодня мы должны изучить сложную форму *ut consocium*», – и горько зарыдал. Поняв, что занятий больше не будет, мы направились в Колонный зал Дома союзов. Но таких хитрых ока-

залось довольно много – очередь растянулась на полтора километра. Улицы ещё не успели перекрыть. Проститься с И.В. Сталиным нам удалось только к половине восьмого вечера.

На следующее утро мы опять двинулись к Колонному залу, но добраться туда не было никакой возможности. У Моссовета собралась громадная толпа – более полутора тысяч человек. На воротах – громадный амбарный замок, который почему-то не был закрыт. Многих зевак прижали к этим воротам. Люди почему-то решили, что они открываются на улицу, а не во двор дома, и напирали. В результате десятки человек были просто задавлены. Всего же за два дня, 7–8 марта, погибли тысячи москвичей и приезжих. (События тех дней хорошо описаны в романе Галины Николаевой «Битва в пути».)

В середине сентября 1952 года я записался в группу студентов, будущих участников парада физкультурников на Красной площади. Вскоре начались изнурительные вечерние тренировки в ЦПКиО им. Горького. Было два стимула попасть в число участников парада 7 ноября 1952 года: во-первых, увидеть вождя, а во-вторых, получить шерстяной спортивный костюм.

Когда колонна физкультурников подошла к Мавзолею В.И. Ленина, Сталина на трибуне не было. Пришлось переодеться в гражданский костюм и пройти в другой колонне (для этого надо было сделать крюк в 30 километров), и опять неудача – И.В. Сталин куда-то отлучился с трибуны. Лишь в третий заход удалось увидеть на трибуне вождя «всех народов».

– *Расскажите коротко о вашей комсомольско-партийной карьере, когда и почему она прервалась?*

– В 1957 году по распределению ЦК ВЛКСМ попал в Сибирь. За семь лет прошел путь от секретаря Алтайского райкома до первого секретаря Хакасского обкома комсомола. В 1964 году уехал учиться в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Мне повезло как историку. Все космонавты, полководцы, зарубежные политики, приезжавшие в Москву, (когда после смерти Сталина приоткрылся «железный занавес») обычно выступали в АОН при ЦК КПСС. Впечатление от этих встреч осталось на всю жизнь. Но все-таки тяга к науке, которая была заложена в университете, взяла верх и вместо партийной работы (хотя после окончания АОН при ЦК КПСС я обязан был пойти на партийную работу) определился на кафедру общественных наук в Красноярский филиал Новосибирского университета. Первой из кафедры общественных наук выделилась кафедра истории КПСС, которую в феврале 1969 года я возглавил. Название кафедры менялось, несколько лет она назвалась кафедрой политической истории, в дальнейшем закрепилось название – кафедра истории России. На повышение не рвался. Видел преимущества по сравнению с административной работой. Все-таки руководство кафедрой – это больше научно-методическая работа.

– *Что удалось сделать?*

– Удалось сформировать состав кафедры из преподавателей ведущих университетов страны: Московского, Саратовского, Томского, Иркутского, Новосибирского. Ректором в то время был Вениамин Соколов – администратор высшей марки, способный решать главный вопрос – жилищный. Ведь для того чтобы сюда приехал преподаватель из Москвы, надо было обеспечить его жильем. Сегодня такой возможности у нас нет. Хотя желающих работать много. Конечно, мы уже «подпитываемся» своими выпускниками. Но желательно, чтобы были представители и других ведущих научных центров.

– *Как вы оцениваете ситуацию с нынешним образованием?*

– Самая большая беда в том, что качество образования заметно падает. Одна из причин – зарплата преподавателей недостойна их труда. Они вынуждены работать в двух, трех, а то и четырех местах. Дело образования и воспитания – штучное и по времени затратное. Ведь чем меньше студентов в группе, тем – эффективнее работа. Если бы на семинарских занятиях было 10 человек, а не 30, – это совсем другое образование! А мы вынуждены укрупнять группы, чтобы не платить преподавателю за «лишние» учебные часы. Всякие научно-практические и

педагогические конференции, свидетельствующие о том, что дело у нас идет в гору, вводят в заблуждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.